

**МЫШЛЕНИЕ В ДИАХРОННО-СИНХРОНИЧЕСКОМ
И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОМ ТОПОСАХ
(ГИПОТЕЗА СОССЮРА–ХАЙДЕГГЕРА–ЛЕВИ-СТРОСА)**

В. Б. ОКОРОКОВ – д. филос. н., проф.,
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
(г. Днепропетровск, Украина)

E-mail: okorokov.victor@mail.ru

Исследуется проблема социальной и исторической генерации мифа и времени, связанная с детерминацией представлений человека о Космосе в концепции К. Леви-Стросса. Выдвигается гипотеза о трансляциях человека в диахронно-синхроническом континууме.

Ключевые слова: диахронно-синхронический топос, пространственно-временной топос, мышление, сознание, человек, трансляция.

**THINKING IN DIACHRONIC-SYNCHRONIC
AND SPATIAL AND TIME TOPOSES
(HYPOTHESIS OF SAUSSURE, HEIDEGGER, LEVI-STRAUSS)**

V. B. OKOROKOV is a Doctor of Philosophy, professor,
Dnepropetrovsk National University named after Oles Gonchar
(Dnepropetrovsk, Ukraine)

In accordance with the logic of myth, formalized in system by K. Levi-Strauss most of Sciences can be built. But according to this logic exists and develops every social structure. Thus, in the first approximation, it is clear that, by this logic is marked language, society and culture. But what is perhaps most important of all, by this logic can be put up time itself and being, if you look at the opened problem in terms of the principles of synchrony and diachrony of F. de Saussure. The problem of social and historical generation of a myth and time, connected with determination of representations of the person about Space in K. Levi-Strauss's concept is investigated. The hypothesis about translations of the person in a diachronic-synchronic continuum is put forward.

Keywords: diachronic-synchronic topos, spatial and time topos, thinking, consciousness, the person, translation.

В соответствии с логикой мифа, оформленной в систему К. Леви-Стросом [*Леви-Строс*, 1985; *Леви-Строс*, 2000; *Леви-Строс*, 2006; *Леви-Строс*, 2007a; *Леви-Строс*, 2007b; *Леви-Строс*, 2007c], можно выстроить большинство наук (об этом мы писали в статьях, написанных ранее). Но в соответствии с этой глубинной логикой существует и развивается любая социальная структура. Таким образом, уже в первом приближении видно, что по этой логике размечен язык, общество и культура. Более того, на основе этой логики, идущей из архаики, может генерировать и человеческая психика, но что, вероятно, важнее всего, по этой логике может оказаться выстроенным и само время и бытие, если взглянуть на открывшуюся проблему с точки зрения принципов синхронии и диахронии Ф. де Соссюра [*Соссюр*, 1998] и реконструировать в таком аспекте экзистенциальное учение М. Хайдеггера. Новое измерение, раскрывшееся ещё в древних мифах, находит своё выражение и в дискурсивной теории Ж. Лакана: бессознательное структурировано как язык [*Лакан*, 2002], то есть, фактически, по той же самой логике мифа.

Общая реконструкция учений Ф. де Соссюра, М. Хайдеггера [*Хайдеггер*, 2006a; *Хайдеггер*, 2006b; *Хайдеггер*, 2007] и К. Леви-Строса приводит нас к одному интересному результату, который можно назвать гипотезой (условно его можно назвать гипотезой Соссюра–Хайдеггера–Леви-Строса). Если попытаться уточнить, что это за особая (незримая) логика мифа, на поверхности которой выстраиваются не только структурные метки бытия мифа, но и структурные формы бытия языка, психики человека и общества, а возможно (ведь это гипотеза) и всех материальных образований, то ответ может оказаться неожиданным.

Речь идёт о сущности пространственно-временного положения «топоса» и его расхождения с другим измерением, которое (с учётом его привязки к мышлению и психике) лучше назвать диахронно-синхроническим (диахронно-синхроническим «топосом»).

Представим себе некий абстрактный или реально фиксированный топос (аристотелевское место), фиксирующий бытие определенного структурного образования, в качестве которого можно выбрать миф, язык, культуру, человека, общество и т. д., словом всё то, что имеет трансляцию во времени и свою историю, структурированную во времени. Мы предполагаем, что синхронический и диахронический

срезы бытия данного топологического «образования» являются лишь формами фиксации (или «стабилизации») существования этой топологической структуры в каком-то более сложном многообразии (большого числа измерений, чем наш привычный трехмерный мир, расположенный во времени).

Если в таком диахронно-синхроническом «топосе» провести условную ось, по которой пересекаются синхронический и диахронический срезы бытия «образования», то не можем ли мы предположить, что существуют какие-то механизмы, которые попросту фиксируют устойчивость бытия «топоса» (относительно этой оси) и связаны с инвариантностью трансляций вокруг неё в некотором измерении, позволяющем жёстко фиксировать все трансляции (возможно, это касается и трансляций самой оси). Итак, в определенном приближении фиксация устойчивости этой оси характеризует устойчивость бытия «образования» (в пространственно-временном континууме). Эта устойчивость связана с фиксацией оси относительно любого из указанных «топосов».

Но в таком случае нельзя ли предположить, что существуют энергии, позволяющие осуществлять трансляции вокруг исследуемой оси (которая в том месте, где совпадают пространственно-временное и диахронно-синхроническое измерения, жёстко фиксирована). В этом случае мы сможем наблюдать феномен сдвига диахронно-синхронического измерения относительно пространственно-временного.

Если предположить, что энергия является достаточной для такого рода сдвигов, то может произойти поворот вокруг незримой оси, зафиксированной первоначально только на психическом уровне (как своеобразный гироскоп, позволяющий человеку быть устойчивым в диахронно-синхроническом измерении).

В таком случае оказывается, что при повороте, скажем, на девяносто градусов, синхроническое и диахроническое измерения «топоса» могут поменяться местами, и там, где раньше было пространственное измерение, окажется временное (и наоборот, место временного занимает пространственное). Ещё раз повторяю, что диахронно-синхроническое измерение фиксируется только нашей психикой и чётко (как компас) показывают его направленность и локализацию относительно пространственно-временного «топоса».

Однако при таких трансляциях для самого «топоса» (человека) при такого рода поворотах (с точки зрения его внутреннего состояния) практически ничего не меняется. В этом смысле для человека (как целостной конструкции) ничего критического не происходит, лишь осуществится подвижка его внутреннего «топоса» в пространственно-

---

временном измерении. Но само «образование» (например, человек) в результате такой трансляции, оказавшись в новом состоянии бытия (с изменёнными пространственно-временными характеристиками), в собственном измерении (на физическом уровне) эту трансляцию не ощутит. Повторюсь, в физическом смысле наличие таких трансляций ничего не запрещает (ведь это только трансляции собственного «топоса»). Здесь тот же эффект, что и у стрелки компаса, фиксирующей направленность бытия магнитного «домена» в пространственно-временном измерении (относительно внешнего поля). Здесь же фиксируется направленность в другом (внешнем) измерении – в диахронно-синхроническом, то есть фиксируется направленность пространственно-временного бытия «топоса». Точнее говоря, устойчивое пространственно-временное бытие Космоса (для человека как «топоса») строго фиксировано в диахронно-синхроническом пространстве. Чтобы эта устойчивость была нарушена, необходимо разорвать пространственно-временное бытие «топоса», например, через вхождение в действие чёрной дыры, или, согласно нашей гипотезе, через создание внутренней психической энергии в психике человека. Отмечу, что с самим Космосом ничего не происходит, а вот человек за счёт своих особых свойств может изменять свои пространственно-временные характеристики.

Гипотеза на первый взгляд может показаться абсурдной. Но попробуем применить её к жизни человека – того особого «топоса» (как писал Хайдеггер), который обладает «пониманием бытия» и имеет психику, мощную структуру, позволяющую варьировать энергию внутренних состояний бытия. Например, что происходит с психикой человека, когда он попадает в ситуацию, которую принято называть «изменённое состояние сознания»? В таких изменениях человек, фиксируя произошедшие изменения, понимает, что может запечатлеть в памяти моменты из своего далекого прошлого, т. е. все состояния прошлого бытия, фиксируя структурные моменты (оппозиции) этого бытия в прошлом и настоящем. Он называет их родовыми, структурными или архетипическими (как устойчивыми типами социальности прошлого) формами. Ведь официальная наука так и не научилась толковать эти состояния. Она не понимает, как работают архетипы и как формируется родовая память.

Согласно нашей гипотезе, у человека в такой ситуации происходит определенный сдвиг внутри диахронно-синхронического «топоса», т. е. сдвиг вокруг оси, фиксирующей диахронно-синхроническое состояние человека (этот феномен, видимо, можно также назвать феноменом В. Мессинга). Согласно выдвигаемой гипотезе, такой сдвиг

психики человека можно объяснить «внутренними» трансляциями психики, которые можно зафиксировать. Я лишь пытаюсь на основе имеющихся данных о психике человека и философских размышлений З. Фрейда, Ф. де Соссюра, К.-Г. Юнга, М. Хайдеггера, К. Леви-Строса, Ж. Делёза и других структуралистов и постструктуралистов дать возможную версию сущности смещения в диахронно-синхроническом измерении бытия человека, с учётом того, что ничто не запрещает такого рода трансляций, а для самого человека при таких сдвигах ничего не меняется (Космос остаётся тот же), ведь во всех этих преобразованиях сохраняется его пространственно-временной «топос» (место). Конечно, пока не ясно, какая энергия может позволить провести такие трансляции, хотя можно предположить, что это значительная психическая энергия. Но такая версия (гипотеза) имеет право на существование уже потому, что она проверяема, ведь происходящие изменения сам человек, или, во всяком случае, уже имеющиеся приборы могут зафиксировать, распознать и отразить на страницах своей памяти.

Мы также предполагаем, что миф, язык, культура и общество есть такого рода фундаментальные «образования», которые имеют структурированный диахронно-синхронический «топос», наличие которого человек может зафиксировать в своем пространственно-временном измерении (в своей психике). Каждый человек жёстко привязан к своему языку, культуре, структуре общества, имеет свои мифы и т. д. В частности, социальная разновидность единого «топоса», привязывающего человека к его бытию, фиксирует устойчивость его социального существования.

Однако изменения, происходящие в каждом из этих «образований», фиксируются психикой и в некоторых особых случаях способны приводить человека в состояния, которые приводят к изменению событийности. В таких особых состояниях может быть зафиксирован поворот в диахронно-синхронном пространстве, или, точнее, такого рода трансляции совершаются под воздействием психической (а иногда и внешней) энергии.

Гипотеза выдвигается ещё и потому, что она позволяет объяснить те маргинальные случаи, которые происходят с людьми в таких особых состояниях, когда высвобождается огромная психическая энергия, – например, под воздействием экстрасенсов, гипнотизёров или, наоборот, людей, погружённых в гипнотические состояния, у которых просыпается иная психика. Я не буду говорить про НЛО (о которых писал еще К.-Г. Юнг), о порталах, пространственно-временных разломах, на которые указывают исследователи аномальных явления, – оставим это на их научной совести. Я говорю лишь о человеке, спо-

---

собном фиксировать и воспроизводить мифы, язык или социальные формы и их трансляции в диахронно-синхроническом измерении, когда ему внезапно открываются состояния, давно сокрытые историей и стерты на уровне *das man*, которые могут вызывать особые необъяснимые с точки зрения науки антропологические изменения.

Важно отметить, что именно К. Леви-Строс, наблюдая особенности поведения современных индейцев, по-своему близких к первобытным людям и к тем проявлениям природы, которые стремились понять древние греки (в виде бытия богов, идей, истин и т. д.), создал концепцию, объясняющую эти особые проявления сознания в поведении индейцев. Он назвал соответствующую науку, объясняющую эти феномены, структурной антропологией. Позже М. Фуко расширил «топос», обозначивший существование первобытного человека, на уровень современной культуры и сумел описать в рамках структурализма мышление и поведение современного человека. Однако, несмотря на его разработки и последующие исследования С. Гроффа, К. Кастанеды, Р. Генона, постмодернистов, проблема глубинного прояснения сущности природы человека всё ещё остаётся закрытой. Для того чтобы как-то объяснить представления об этой внутренней, сокрытой, глубинной природе человека, связанной с бессознательным, изменёнными состояниями сознания, и «проявлениями души» и психики (какой из терминов ближе для описания антропологических глубин человека – покажет время), и выдвигается данная гипотеза. Чтобы прислушаться к тому, как эта гипотеза может работать в концепции Леви-Строса, мы попытаемся прояснить его идеи на её основе.

К. Леви-Строс вплотную подводит нас к тому моменту культуры, за которым открывается невидимая сторона сущности мира, древо жизни (как сказал бы Г. Сковорода). Французский учёный (в том же смысле, что и М. Хайдеггер), попытался приоткрыть завесу культуры, мифа и языка. Исходя из похожих посылок, древние индусы утверждали, что реальная сущность мира скрывается от нас майей (завесой знания), и прежде, чем приоткрыть эту завесу, необходимо выйти за пределы разумного истолкования мира (но в таких изменениях начинаются трудности, схожие с безумием, или утратой опоры на разум, что и означает, на языке современного психоанализа, соскальзывание в те бездны психики, где человек находится в состоянии неопределённости, беспочвенности). Этому учат нас представители восточной культуры, которые уверены, что знают сущность запредельных антропологических состояний. Восточная культура, по сути, описывает тот же «топос», в котором раскрываются Эдипов комплекс и архетипы, и где, с точки зрения упрощённого взгляда западной культуры, власт-

вуют мифы. В таком контексте мифология Европы мало чем отличается от мифологии Востока (восточной философии и религии). Однако западная философия и наука приписывают своё понимание мифа его особому прочтению на уровне разума, т. е. тому, что открывается взгляду на него с позиций аристотелевской логики (из того места, где начинает работать логика рассудка). По большому счету, М. Вебер, М. Хоркхаймер и Т. Адорно, а вслед за ними и Г. Маркузе, прямо указывали на то, что однозначное (одномерное) толкование культуры с точки зрения западной (целерациональной) науки ведёт к однозначному истолкованию мира, к видимости человеческой гегемонии над природой, к одномерному пониманию человека. Восточная традиция изначально отрицает такой подход.

Отмечу здесь, что особенности мировоззрения человека той или иной культуры влияют на его возможности раскрытия проявлений скрытых энергий. В какой-то мере это пытались растолковать нам структуралисты; именно по этому принципу Ф. де Соссюр выстраивает свою историю и логику языка. Европейское мышление говорит нам о том, что разум выстраивает все события по принципу достаточного основания, то есть необходимости. Европейский разум как бы выстраивает все феномены в плоскости их наблюдения, по мере их наблюдения, и фиксирует их как законы природы и сознания, – в таком виде человеку открывается настоящее. Но в таком состоянии он уже не фиксирует прошлого (буквально по Августину, так как прошлого в настоящем уже нет – его лишь удерживает память) и ещё не знает будущего. Только объединение всех трёх модусов существования делает человека понимающим и мыслящим. Таким образом, внутри человеческой психики есть механизмы, позволяющие производить корреляцию этих трёх модусов (условно, в соответствии с феноменологией Э. Гуссерля, их можно назвать сознанием – последней феноменологической данностью). Об этом Э. Гуссерль писал в работе «Феноменология внутреннего сознания времени», а до него Ф. Brentano; но об этих механизмах проявления психики знают все музыканты.

Представители науки уверены, что законы строго выполняются – об этом свидетельствует опыт. Но ведь важнейшим свойством опыта является его принадлежность настоящему, точнее, полная уверенность человека, что настоящее всегда адекватно прошлому и нет никаких законов, нарушающих эту адекватность как причинно-следственную связь.

Опыт всегда принадлежит настоящему, т. е. тому «топосу», в котором может быть проведён и всегда проводился опыт. Однако западный человек, уверенный в абсолютности законов «логоса» (и в полной

причинно-следственной соизмеримости всех трёх модусов), стремится за счёт механизмов сознания, усилий разума, рациональности и логики расширить своё влияние на прошлое и будущее.

Тем не менее, есть и другая точка зрения. Как утверждает Н. А. Бутилов со ссылкой на К. Леви-Строса: «Каждое явление культуры содержит в себе два слоя информации: поверхностную информацию, которую люди осознают, и глубинную, остающуюся ими неосознанной» [Бутилов, 1985: с. 434]. Однако главный слой – это глубинный, бессознательный слой. Из глубин культуры (и психики) рождаются бессознательные потоки, которые формируют единство языка и сознания. Наблюдая за сознанием непосредственно из настоящего, мы не можем, в соответствии со структурной антропологией, говорить о ясности понимания сознания в прошлом (точнее, можно говорить о нём только вследствие того, что нам раскрываются особенности памяти, насколько верно и точно она может удержать прошлое). И тогда речь идет уже не о точном понимании прошлого, а о способности памяти помнить прошлое, то есть, скорее, об устойчивости человеческой психики.

Обобщающий принцип расширения сознания на всю предшествующую историю был назван в философии разумом, а в античности он назывался логосом. Поэтому логос – это то псевдорасширение сознания (и всяких разумных построений в мире), которое распространяет на прошлое и будущее все принципы бытия сознания в настоящем (на это границе сознание превращается в разум, тут формируется сфера существования метафизики и логики). В этом смысле метафизика и логика – явления однопорядковые и были введены в научной форме Аристотелем практически одновременно. Те механизмы, которые переносили логос на будущее – предопределение, свобода, фатум и т. п., греки додумывали сами и приписали их также сфере существования метафизики (или сфере перенесения логических принципов на понимание будущего). В этом случае сфера бытия «логоса» сводится к следующему: логика в этой сфере – царица настоящего, а метафизика формирует принципы и границы её расширения на прошлое и будущее. В этих границах пребывает разум, и поэтому все науки, буквально по Аристотелю, имеют те же истоки, что и метафизика. Здесь же работает наука о считывании идеальных форм – математика. Парадокс такой ситуации, исходя из предложенной гипотезы, состоит в том, что настоящее так же недостижимо как прошлое и будущее. Ибо тому месту («топосу»), где оно (настоящее) может быть распознано (считано), принадлежит ось пересечения диахронного и синхронического измерений (ведь мы помним, что удел всех наук – это бытие в сознании), а

такая ось постоянно ускользает от сознания, так как мы не можем одновременно зафиксировать и синхронический, и диахронический срезы сознания. Таким образом, все науки, а также логика и метафизика являются лишь условиями бытия такой формы нашего сознания, когда желаемое выдаётся за действительное.

Человек – существо несовершенное, вернее, в том месте, где он может быть действительным и совершенным, он таковым не является; он не может, как боги, одновременно фиксировать оба среза бытия. Однако если ему (человеку) удастся порвать со своей привязанностью к разуму (несовершенному, а точнее, кажущемуся идеальным бытию сознания), то есть попасть в те области, о которых мы уже писали выше, т. е. в области «изменённого состояния сознания», то там такая возможность появляется. Видимо, в этом же месте (топосе) обитает то, что мы называем душой. В этом случае и возможны, с одной стороны, трансляции (сдвиги) вокруг оси, но в этом же месте человек приобретает не разум, а мудрость – знание не временное, а абсолютное, то, которое присуще одновременно и синхронии, и диахронии, одинаково инвариантное относительно пространственно-временных и диахронно-синхронических трансляций. Такое знание поистине абсолютно и является истинным.

Такой подход в целом подтверждает идеи А. Бадью о недостижимости истины, о провале и наличии зоны пустоты (ничто) в центре существования истины. А. Бадью заключает, что абсолютная истина не постижима, но всегда поддаётся просчитыванию как счетное множество. На подступах к истине работает математика, или искусство счёта, однако логика при приближении к области пустоты истины приостанавливает своё искусство (мыслить логически). В этом смысле логика раскрывается как искусство улавливать общие принципы бытия множеств, улавливать общие закономерности. Мы видим, что и разум теперь выстраивается как последовательное искусство постижения пустоты истин посредством последовательного понимания-приближения к центру истины как раз в том месте, где пересекаются счётное (математическое), логическое и метафизическое «искусства» мыслить.

При достаточно полном проникновению в истину человеку кажется, что он овладел ею, а на самом деле – в этом месте проявляется лишь искусство слышать и фиксировать Другого, ибо только через зеркальное отражение в другом самого себя и возможна фиксация непостижимого (то, что в своё время услышал С. Франк), фиксация истины. На пересечении «топоса» и «топосов» Других и фиксируется диахронно-синхронический «топос». И чем больше этих мыслящих Других входит в считываемое множество, тем более точное прибли-

жений к истине возможно. Можно сказать и так: истина – это коллективный разум, или, на языке К.-Г. Юнга, коллективное бессознательное, которое высвобождает тот, кто наиболее глубоко смог проникнуть в такую коллективность, в глубины социума.

Итак, мы видим, что диахронно-синхроническое измерение позволяет нам понимать и фиксировать (считывать) степень истинности событий. И это измерение бытия именно человеческое, или, во всяком случае, тех, кто получил, согласно М. Хайдеггера, дар мыслить. Недаром немецкий философ пишет о наличии двух типов мышления – счётного (обсчитывающего) и онтологического (экзистенциального) [Хайдеггер, 2006b]. С его точки зрения, только второй тип мышления позволяет получить дар от бытия, приблизиться к оси диахронно-синхронического измерения, приблизиться к истине.

В принципе, по сути, по тому же самому сценарию выстраивает М. Бахтин свою теорию хронотопа [Бахтин, 2012]. Он пытается эстетическим путём, посредством «вмышливания» (внедрения, углубления) в текст (в мысль другого) показать, что на определенных уровнях фиксации «романа» (и, соответственно, мышления) происходит сращивание пространственного и временного измерений. М. Бахтин, проведя поливалентный анализ смыслов текста, обнаружил, что смыслы рождаются в тех местах, где осуществляется сращивание временного и пространственного измерений, то есть в тех местах, где осуществляется феноменологическое (интенциональное) прояснение сознания, когда накладываются пространственно-временные ограничения на сознание и мысль (так рождается текст). По мнению русского мыслителя, формирование смыслов осуществляется в том «топосе», который связан с хронотопом. «Пространственные и временные пути двух людей <...> пересеклись в одной точке, точке равно пространственной, как и временной», – пишет М. Бахтин [Бахтин, 2012: с. 281]. А поскольку таких путей много, «это общее ощущение реального времени в литературе раскрывается прежде всего в <...> циклических и не циклических "временах" <...> в авантюрном <...>, биографическом, семейно-биографическом, идиллическом, бытовом и др. Каждое из этих времен имеет свои человеческие измерители (различные формы жизни, деятельности, борьбы, усилий и труда человека), свои "знаки" и "приметы", и каждое раскрывается в своих специфических хронотопах» [Бахтин, 2012: с. 291]. «Языковое сознание романа – многоязыковое сознание» [Бахтин, 2012: с. 561]. Тонкий психолог, психоаналитик и лингвист, М. Бахтин пытается ухватить границы сращивания мыслей и смыслов (в романе) и обнаруживает закономерности формирования смысловых «топосов», которые он объеди-

няет одним словом «хронотоп». Хронотоп в его творчестве раскрывается как втягивание пространства в сюжетное развитие движения (по Аристотелю, «времени»), пространство как бы обволакивает время, а само время стучается и уплотняется. «В результате периодических слияний и разрывов времени и пространства в каждом произведении образуется своя система частных хронотопов, являющихся организационными центрами, завязывающими и развязывающими сюжетные узлы», – пишет Л. А. Гоготшвили, обобщая сущность хронотопа в творчестве М. Бахтина [*Гоготшвили*, 2010: с. 308].

Эстетическое оформление мысли – лишь средство показать то, что сокрыто, что должно пониматься как «топос», в котором соединяется несоединимое в антропологическом измерении – пространство и время, то место, где пространственно-временной «топос» перетекает (преобразуется) в диахронно-синхронический.

Но М. Бахтин пишет о романе, а согласно нашей гипотезе, нечто похожее происходит со всякой мыслью (с самим человеком), точнее, с сознанием как смыслообразующим началом мысли. Для М. Бахтина роман – это полигон разворачивания смысловых коллизий. В данном исследовании роман – место (или «топос») напряжённого всматривания автора в системы смыслов, в процесс формирования мысли. Ведь автор как психоаналитик, порой находясь в безумном напряжении внутренних сил, как в горниле рождает мысль, раскалённую от накала страстей человеческих. Точнее, по Хайдеггеру, это место должно принадлежать поэту, вскрывающему смысл бытия. Можно отметить, что М. Бахтин приписывает роману как «топосу» те же свойства, которые, согласно нашей гипотезе, можно приписать самому человеку. «Топос» романа у М. Бахтина в принципе совпадает с «топосом» человека, мыслящего на границе диахронно-синхронического измерения. Там, где возникает пространственное напряжение времени (где, согласно Бахтину, пространство обволакивает время и рождается хронотоп), там пространственно-временной «топос» трансформируется в диахронно-синхронический. В этом месте, с одной стороны, по Бахтину, рождаются смыслы, а с другой – согласно нашей гипотезе – уже в реальном мыслительном поле бытия человека может произойти сдвиг в диахронно-синхроническом измерении. Похожий эффект, описываемый М. Бахтиным относительно романа, назывался у него «сгущением времени».

Там, где мысль начинает своё кружение над смыслами, рождается «топос» (место, кокон), способный преобразовать (даже разорвать) её (мысли) собственное бытие. В этом разорванном диахронно-синхроническом «топосе», с одной стороны, согласно идеям

М. Хайдеггера, осуществляется «выхватывание» у бытия смыслов, с другой – согласно нашей гипотезе – может осуществиться сдвиг (трансляция, поворот) самого «топоса». Мысль (по версии А. Бадью), создавая колоссальную энергию, врывается в зону пустоты истины, раскалывает её, и здесь происходит уплотнение (разрыв или сжатие) времени.

Нужно отметить, что опыты Н. Козырева с фокусированием энергии в зеркалах времени и его идея плотности времени дают те же самые результаты (хотя официальная наука все еще осторожно оценивает результаты его опытов, но она признает гениальность русского ученого). Вероятно, (если доверять открытиям М. Бахтина и Н. Козырева), мысль, рефлекслирующая над собой, уплотняет время, – это тот «опыт» над мыслью, который восточная культура проводит уже более двух тысяч лет и который получил название «медитация».

Ещё раз подчеркну – если бы Бахтин оказался более близок к антропологии и перенёс своё открытие (хронотоп) на самого человека (как тот «топос», который наделён сознанием, рождающим роман), то, возможно, эта гипотеза была бы развита им гораздо раньше. Бахтин не осмелился затронуть святая святых европейской традиции – могущество разума и хронотопичность приписал только сюжетной линии развития романа (узловой точке сгущения всех сюжетных пространственно-временных линий романа). Но этот эффект, согласно нашей гипотезе, свойственен и самому человеку. Недаром К. Леви-Строс, который фактически и создал новую (структурную) антропологию, учил-ся форме нового мышления именно у М. Бахтина и у Р. Якобсона.

Реальный эффект хронотопичности мышления, примененный к самому человеку, может иметь гораздо более серьезные последствия, прежде всего для самого человека. Хронотопичность в поле реального мышления под воздействием внутренних усилий человека преобразуется в диахронно-синхронические трансляции. И это уже не пространственно-временные трансляции, исследованные М. Бахтиным, – это проворачивание мысли, способное изменить само бытие человека. Ещё раз повторюсь – мы лишь пытаемся следовать за ходом психоаналитических и психических опытов над человеком, проводимых на протяжении XX ст. (порой очевидных и отчётливых, а порой, по понятным причинам, утаиваемых и засекречиваемых).

И вывод об открытиях русского мыслителя в наше время в целом можно радикализовать. М. Бахтин, как и М. Хайдеггер, услышав «зов» бытия, зов мышления, попытался зафиксировать бытие «топоса» (приписав все свои открытия в области «чужой мысли», в интерсубъективном пространстве «холодному» роману). Однако в мыш-

лении, как и в «квантовой механике», видимо, работает принцип неопределённости Гейзенберга – зафиксировать одновременно пространственный и временной «топос» квантового события невозможно; мы точно знаем либо одну его разновидность (например, пространственную координату), либо другую (временную). Знать и то и другое одновременно нам не дано. На уровне микромира мысль расплывается, как расплывается и событие бытия «топоса» (например, электрона). Поэтому совмещение диахронно-временного и синхронически-пространственного образований-топосов в области мышления выше человеческих сил. Можно сказать и так: со-знание (сознание) – это всегда опыт над со-бытием (локальным «топосом»), а значит на него распространяются все проблемы «проведения опыта», включая все принципы неопределённости.

Человеческая реальность привязана к этому «топосу». Реальность – это место («топос») бытия, где мы реализуемся в настоящий момент времени в настоящей точке пространства, в присущих этому нашему настоящему измерениях. Скажем, в частности, что то же самое настоящее где-нибудь в другой галактике совсем иное. Это их настоящее в физическом смысле мы сможем зафиксировать только через некоторое количество лет, а то настоящее, которое мы наблюдаем в настоящий момент времени на Земле, оказывается далеким прошлым этой галактики. Поэтому и мир мы видим как бы стекающимся со всех его локальных точек Космоса в наше локальное место. Реальность на Марсе иная, чем реальность на Земле с учётом принципов относительности. Социальная реальность – это совокупное социальное бытие мыслящих существ, принадлежащих к одному «топосу», замкнутых относительно языка и других социальных форм существования.

Посмотрим на те же проблемы из другого (надчеловеческого) измерения. Бог и Демиург – это упрощённое понимание творческого потенциала мира, который мы знаем исходя из настоящего, то есть в целом – это также гиперобразы понимания всей предшествующей эволюции мира, сжатой до локализации настоящего. Однако при переходе от локализации к прошлому происходит своеобразная ломка всех параметров языка, культуры и психики, которую ранее не знала европейская философия, но которую древние индусы именовали майя (как ту непрозрачность стены «сознания», которая заслоняет знание о реальном мире в его целостности). Мы, собственно, знаем мир по его поверхностным проявлениям из настоящего (взглядом из настоящего). Иногда физики это называют «картиной мира». Этот мир мы считываем как мир плоский (поверхностный). Оттого и знание наше яв-

---

ляется односторонним (как прибывшее или стекающее в наш «топос» со всего Космоса и локализованное именно в нем).

В то же время со-знание – это опыт над прошлым события, перенесённый на настоящее. Поэтому мы всегда видим мир плоским и, вероятнее всего, наше знание и есть поверхностное видение мира (в виде форм) – всегда как взгляд из настоящего. Заметим, что и настоящее – это чисто человеческий (то есть локальный) параметр, привязанный к «топосу» нашего нахождения (пробытия) в настоящем. Для нас – это, действительно, настоящее; для тех же, кто наблюдает за нами со стороны, – это, может быть, уже и прошлое (а может быть, с учётом мышления, и будущее). Настоящее – лишь относительная форма наблюдения за «событием».

Поэтому реальный мир гораздо сложнее и объёмнее. Приблизительный аналог такого плоскостного видения мира есть феноменологическое тело, которое описывали М. Мерло-Понти и Ж.-П. Сартр. Другую модель предложили физики, которые считали, что далёкий Космос мы видим лишь из глубокого прошлого (на уровне далекого прошлого), то есть мы видим лишь тот Космос, который стекается в наш топос посредством лучей света со всей Вселенной (как бы из разных временных слоев Космоса). Реально в нашем настоящем (на планете Земля) мы схватываем мир в совершенно разные исторические эпохи, и чем дальше от нас видимый объект, тем более далекое прошлое жизни Космоса мы наблюдаем (в нашем настоящем). Схватываем мы посредством разума то, что фиксируется в нашем «топосе» (настоящего), стекаясь с совершенно разных временных слоёв развития Вселенной (Космоса).

Сложность проблемы объёмного видения мира (и языка) начинает пониматься, когда мы попытаемся посмотреть на закономерности, присущие многообразию взглядов на мир (и язык, а точнее языки). Дж. Мердок, исходя из принципа выделения закономерностей в мифе, создал «этнографический атлас»; Леви-Строс решил по аналогии выделить такие типы событий, о которых рассказывается в мифах (мифемы), закодировать их и ввести в компьютер с тем, чтобы компьютер читал миф не только по горизонтали (т. е. как его рассказывают), но и по вертикали, опознавая по разным событиям одну и ту же общую мифему [Бутилов, 1985: с. 437]. Фактически, Леви-Строс действовал по тому же принципу, что и современные физики, фиксируя «топос» стекания мифов в одну точку (настоящего) и пытаясь взглянуть на него (и его историческое развитие), исходя из различных событийных сфер, то есть из различных временных областей.

М. Фуко по аналогичной схеме разрабатывал «археологию гуманитарных наук», раскрывая сущность гуманитарного знания не только на поверхности (каким оно нам кажется), но и в вертикальном срезе, когда отчётливо прослеживаются исторические слои (пыль истории и культуры, в том числе и архетипическая). «И хотя опыт (люди рождаются от людей) противоречит "космологии" (люди появляются из земли), социальная жизнь подтверждает космологию своим сходством структур <...>, космология правильна <...>, и миф выполнил свою задачу – примирил противоречие, казавшееся непримиримым», – отмечает замечательный русский лингвист В. Вс. Иванов [Иванов, 1985: с. 443]. Опыт людей выстраивается по принципам знания, видения и понимания настоящего (то есть исходя из того места («топоса»), в котором они сейчас существуют), опыт Космоса – это опыт более значительной истории (это срез различных временных образований, как в археологии), – между ними всегда раскрывается противоречие. И общество как таковое приходит из прошлого и своей традиции. Это говорит о том, что опыт Космоса и опыт социума могут выстраиваться по сходным структурным формам и принципам. Ключ к пониманию этих процессов указал Левин-Строс: структура мифа построена по типу, согласно которому более широкие оппозиции сменяются менее широкими [Бутилов, 1985: с. 444]. Точнее, миф и язык генерируют не одну и ту же оппозицию, а систему взаимопорождающих и уходящих в бесконечное прошлое оппозиций-форм, т. е. в строгом соответствии с той «логикой смысла», которую позднее предложил Ж. Делёз [Делёз, 1998]. И к бытию общества применима «логика смыслов», и здесь по поверхности, образуемой изменяющимся и эволюционирующим обществом, скользят «убегающие единичности», связанные с изначально проявившейся генерирующей оппозицией как затухающим осциллятором (приблизительно так же в математике и физике исчезают или становятся затухающие колебания, которые имеют первичное напряжение-оппозицию). Амплитуда затухания социальных или языковых структур определяется силой первичной оппозиции, которая изначально формируется сознанием в виде мифа и лишь затем разворачивается в систему убегающих в будущее мыслеформ. И общество есть такая затухающая «машина» (система), убегающая в прошлое (как определили ее Ж. Делёз и Ф. Гваттари), которая ориентирована на желания людей. Таким образом, общество в целом – это система генерируемых (и затухающих), идущих из прошлого оппозиций, которые фиксируются отдельным человеком на сознательном и бессознательном уровнях.

М. Хайдеггер ещё в первой половине XX в. стремился вывести проблемы формирования общества за пределы фундаментальной онтологии, обвиняя социум в навязывании индивиду несобственных форм существования; но для него общество – это ещё вполне классическое образование, поэтому он мало интересовался его историей. Для него общество ещё не раскрывается как сложный механизм генераций, идущих из прошлого. Однако после того как структурализм трансформировался в постструктурализмом, постепенно стало проясняться, что не только культура и язык (как считал Леви-Строс), но и психика (согласно Лакана), и общество (согласно Делёзу) – это сложные системы оппозиций, генерирующих на поверхности и ускользающие вдаль (в прошлое и будущее), которые регламентируют жизнь как таковую (во всех её проявлениях). Эти генерации не осознаются человеком и поэтому проявляются только на бессознательном уровне, но именно там задаётся и раскрывается структурность любой социальной группы, культуры и языка, словом, тех форм, которые размечают индивидуальную и общественную жизнь человека. Они же незримым образом задают структуру мифа и науки, но не прочитываются в системе смыслов и значений, ибо науке нет дела до смыслов, её интересуют общие причинно-следственные законы (она всегда осуществляется на уровне опыта и точно соответствует знанию настоящего). Науки и есть то место, где смыслы трансформируются в системы знаний; точно так же как неопределённое бытие человека в прошлом и будущем трансформируется в бытие настоящего. Точно по такому же сценарию взаимодействуют диахронический и синхронический срезы бытия мифа, человека, общества, языка и т. д.

Генерации, задаваемые оппозициями, проявляются как формы, структурирование которых было осуществлено в прошлом, но которые размечают и настоящее (что и создаёт эффект видимости знания в настоящем без участия прошлого). Цель мифа, согласно Леви-Стросу, в том, чтобы примирить исходное противоречие (между «верхом» и «низом» – в одних мифах и между «жизнью» и «смертью» – в других). Миф как бы ищет выход из этого противоречия, заменяет его в дальнейшем уже не столь широким противоречием (скажем вместо «верх» – «низ» появляется «земля» – «вода»), а затем еще более узким и т. д. [Бутилов, 1985: с. 446]. Именно так проявляется первичный смысл (как разрешение оппозиции «верх» – «низ»), который генерирует последующую сужающуюся прогрессию смыслов-мифов (по типу ризомы), то есть возможности образования поверхности, казалось бы, непересекающихся оппозиций.

Однако, как показал Ж. Делёз, на деле они во взаимодействии пересекаются и могут даже поменяться местами, то есть действительно идёт генерация оппозиционных структур. Такие оппозиции потому и являются генераторами смыслов, что проблема соотношения «верха» и «низа», «жизни» и «смерти» (в диахронно-синхроническом измерении) всегда условна, буквально так же не жёстко фиксирована плоскость генерации осцилляторов. И «земля» у Леви-Строса трактуется как нечто промежуточное между «верхом» (небом) и «горой», а морская охота – между «водой» и «долиной», т. е. ремёсла (поведение человека) и миф развиваются по типу поверхностного объединения оппозиций. Согласно Леви-Стросу, надо искать путь от сознания у той природы, которая внутри. В человеке есть внешнее «я» (self), проявляющееся в символах и знаках, и его внутренне «Я» (I), бинарные оппозиции, бессознательная структура его разума, идентичная со структурой внешней природы, ибо бессознательная структура разума дана человеку от природы, это и есть природа [Бутилов, 1985: с. 449]. Бессознательное, по З. Фрейду, – это не то, что не осознаётся, а то, что уже не осознаётся, так как ушло в прошлое. Бессознательное, согласно К.-Г. Юнгу, – это следы прошлой жизни общества, зафиксированные в таких структурах настоящего, как архетипы, которые свернулись в прошлом в фиксированные оппозиции и приходят из прошлого в наше настоящее (посредством психики), поэтому наблюдать их в чистой жизни настоящего мы не можем, а можем наблюдать их только по оказываемому ими давлению на сознательные структуры настоящего (из прошлого).

Сглаживание силы генерации первичной оппозиции осуществляется по типу соскальзывания на всё более узкую поверхность смыслов и более узкую оппозицию (сужение оппозиций приводит к увеличению точности смыслов и наоборот). Именно так устроен любой естественный (пришедший из истории) язык. Вот почему самые молодые языки являются самыми бедными для возможности раскрытия смыслов. Им не хватает размаха, скрытой истории, сокрытой на поверхности, пришедшей из глубины веков мудрости. Самые бедные (по Гегелю) категории несут в себе максимальную неопределённость смысла. Согласно Леви-Стросу, природа человека остаётся неизменной, как и структура разума. Но эмпирическая реальность изменяется в такой мере, что связь её со структурой разума нарушается историей, которая, встряхивая человека, рвёт в нём внутренние связи. В результате культура человека изолирована от природы, знание – от бинарных оппозиций [Бутилов, 1985: с. 450]. Фактически, мы наблюдаем тот факт, что человек рассматривает природу (из настоящего) через

линзы истории, но этих линз не замечает (как не замечает собственных глаз). Это происходит вследствие того, что человек, сам того не осознавая, обладает, как следует из учений Леви-Строса и Делёза, уникальным даром – синтезировать поверхности ускользающих смыслов (генерировать формы и оппозиции и тем самым задавать историю), т. е. обладает даром запоминания жизни природы на поверхности своей психики (и рефлексией разума по типу генерации оппозиций). Именно в таком виде возникают и генерируют его (человеческие) оппозиции, которых в самой природе может не наблюдаться, но которые фиксируют скрытую (таинственную) природу самого человека, тем самым разрывая его единство. Этим скрытым даром (откуда-то свыше) наделена его психика. В результате чего мир воспринимается им как разорванный на оппозиции. По такому же принципу устроен язык, который, собственно, и размечает поверхность природы (взгляд на неё). Фактически, он размечает бытие, которое и представляет собой фундаментальную возможность понимания природы, видения её.

Но в связи с тем, что язык изначально (по пришедшим из прошлого формам) размечен посредством мифа, мифологическое видение природы есть фундаментальный способ её разметки, избавиться от которого человек не властен, как он не властен избавиться ни от своей природы, ни от своей истории, – это те параметры его бытия, повлиять на которые и изменить которые он в своём естественном состоянии не может, так как находится в области необходимо устоявшихся (материальных) форм своего бытия, пришедших из прошлого и программирующих его поведение в настоящем. Именно их от века называли в религии и философии судьбой, фатумом, кармой и т. п. И когда человеку в современной истории стало казаться, что он – хозяин своей судьбы и хозяин природы, вдруг обнаружилась грандиозная мистификация, грандиозная подмена его бытия, что привело к обнаружению дихотомических условий его бытия, расхождению с собственной природой, отчуждению от своей истории и разумной природы. Вместе с тем, в такой ситуации философия зафиксировала появление структурализма; человек, утратив почву и доверие к аристотелевской логике, оказался в сфере бытия той особенной диахронно-синхронической логики, которая связывает пространственные и временные формы мышления. Вместе с тем, он утратил привычную форму существования и оказался в беспочвенном мире. Так природа мстит тем, кто не помнит своей истории и в то же время не может избавиться от неё. Утратив историю, человек оказывается перед бездной ничто, пустотой, которую приоткрыло разорванное пространство бытия на бессознательном уровне неуловимого настоящего (это та пустота со-

бытия истины, о которой писал А. Бадью в своем «Манифесте философии»).

Начиная с анализа жизни индейцев и расширяя полученные результаты на всю последующую культуру (вплоть до современной), Леви-Строс, как внимательный исследователь традиции, обнаружил ту сложную форму расслоения человеческой природы, которая коммутирует с прошлым (с мифом), и зафиксировал фундаментальные закономерности бытия человека. То, что Хайдеггер сформулировал как фундаментальный принцип бытия «человека понимающего», посчитав, что понимание – это единственный способ услышать «зов» бытия, Леви-Строс перенёс на другую форму проявления бессознательного – язык. Хайдеггер структурировал понимающее бытие, выводя его из горизонта времени и сущего; Леви-Строс структурировал язык, выводя его из горизонта мифа и древних форм жизни общества, точнее, социального горизонта жизни индейцев (в целом из горизонта бытия архаичных и древних культур).

В своё время Хайдеггер утверждал, что язык есть дом бытия, и само бытие откликается только на фундаментальный зов человека из глубины (точнее, человек должен быть настроен на волну глубинного зова бытия). С учётом позиции Леви-Строса идеи Хайдеггера можно реконструировать и так: бытие, как и язык, размечено историей (на недоступном разуму бессознательном уровне), и только тогда, когда человек способен приоткрыть завесу ускользающих в прошлое генераций истории, генераций языка, то есть способен генерировать значительные энергии, разрывающие синхроническое пространство (настоящего), он начинает слышать темпоральность бытия, отвечать на его зов, что и позволяет раскрыть сущность истории посредством языка (расшифровать её коды и разметки). Приблизительно так можно трактовать шифры бытия К. Ясперса. Там, где за счет соизмеримости генераций (за счёт однотипности и соизмеримости структур) соприкасаются миф и история, миф и бытие, мышление и бытие, там осуществляется выхватывание фрагментов прошлого и истории, там раскрывается смысл бытия, пришедший из прошлого. Ведь согласно Платону и Аристотелю, Плотину и Николаю Кузанскому, Фоме Аквинскому и Фр. Суаресу, Канту и Гегелю, прошлое и будущее смыкаются в одной точке (идее, цели, идее как цели, абсолютном духе и т. д.).

Проблема расшифровки (декодирования) бытия состоит в том, что между настоящим (природой) и прошлым (историей природы) существует разрыв, который в первом приближении можно назвать бытием. То, что Хайдеггер называл трещинами (или разрывами) бытия, на деле является трещинами и разрывами психики (и рассудоч-

---

ности) человека, ибо понимание, в терминах Деррида, – это и есть отстранение (отсрочка) – разрыв между прошлым и настоящим, который человек заполняет своими метафизическими фантазиями, иногда называя их мифом, иногда миром идей, а иногда и наукой. Таким образом, согласно выдвинутой гипотезе, мы можем говорить о том, что отсрочка Дерриды, – это то состояние разрыва человеческой психики, которое существует между синхронической и диахронической плоскостями и которое условно можно зафиксировать как центр человеческой психики (трансцендентальную апперцепцию), как разрыв между разумностью и чувственностью.

Однако реальную границу пересечения всех этих поверхностей, соединяющих прошлое и настоящее, можно назвать знанием. Способ фиксации диахронического на языке синхронии и есть знание.

Все сложности понимания бытия связаны с тем, что место разрыва на пересечении настоящего и прошлого невозможно прочитать на уровне знания, его можно только понимать и интерпретировать, опираясь на прошлое и традицию (по Гадамеру) или бессознательное (по Лакану и Рикеру). Любое знание несёт на себе печать истории, прежде всего потому, что посредством языка, позволяющего его раскрыть, прочитывается история и эволюция культуры. Язык, как и бытие, разворачивается в себе до своих истоков, а в настоящем (синхронии) свёртывает всю историю своего существования (но он несет в себе – в диахроническом измерении – свою историю). Таков общий вывод, который можно сделать, опираясь на реконструкцию учений Соссюра, Хайдеггера и Леви-Строса. Схватывание истории возможно только в месте разрыва-перехода от синхронии к диахронии (и обратно), в этом месте рождается знание как описание увиденного и услышанного (как описание «зова» бытия). Истина же находится в том месте (топосе), где пересекаются синхронический и диахронический срезы, которое зафиксировать нельзя, так как тут, согласно теории А. Бадью, всегда наблюдается только разрыв, пустота, необсчитываемое множество состояний. Истина рождается лишь в событии множественности. Человек устроен так, что строго зафиксировать переход между прошлым и настоящим, или настоящим и будущим он может только посредством преодоления разрыва между синхроническим и диахроническим состоянием своего бытия. Но для этого требуются значительные энергии. Согласно выдвигаемой гипотезе Соссюра–Хайдеггера–Леви-Строса, при появлении достаточных психических энергий может произойти трансляция синхронической и диахронической форм бытия. Энергия преодоления разрыва с осью трансляции может привести к значительным преобразованиям положения топоса человека в диа-

хронно-синхроническом измерении. Возможны ли такие трансляции, надеюсь, покажет ближайшее будущее. Тогда же станет ясно, верна или нет выдвигаемая гипотеза.

Закончить же нам хотелось бы словами Ницше, Витгенштейна или Соссюра. Да не будет находиться здесь тот, кто боится головокружения. О том, чего мы не можем сказать, нужно молчать. Очень многое нам, конечно, сказать не удалось, но что-то, возможно, и прояснилось.

Литература

- Бахтин*, 2012 – *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений : в 6 т. – М., 2012. – Т. 3. – С. 340–511.
- Бутилов*, 1985 – *Бутилов Н.А.* Леви-Строс – этнограф и философ // *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М., 1985. – С. 422–466.
- Гоготшивили*, 2010 – *Гоготшивили Л.А.* Хронотоп // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. – М., 2010. – Т. 4. – С. 307–308.
- Делёз*, 1998 – *Делёз Ж.* Логика смысла // *Делёз Ж.* Логика смысла. *Фуко М.* *Theatrum philosophicum.* – М., 1998. – С. 10–440.
- Иванов*, 1985 – *Иванов В.Вс.* К. Леви-Строс и структурная теория этнографии // *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М., 1985. – С. 397–421.
- Лакан*, 2002 – *Лакан Ж.* Семинары : в 26 т. – М., 2002. – 608 с.
- Леви-Строс*, 2006 – *Леви-Строс К.* Мифологии: Сырое и приготовленное. – М., 2006.
- Леви-Строс*, 2007a – *Леви-Строс К.* Мифологии: От меда к пеплу. – М., 2007.
- Леви-Строс*, 2007b – *Леви-Строс К.* Мифологии: Происхождение застольных обычаев. – М., 2007.
- Леви-Строс*, 2007c – *Леви-Строс К.* Мифологии: Человек голый. – М., 2007.
- Леви-Строс*, 1985 – *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М., 1985.
- Леви-Строс*, 2000 – *Леви-Строс К.* Первие мисленя. – К., 2000. – 324 с.
- Соссюр*, 1998 – *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. – М., 1998. – 296 с.
- Хайдеггер*, 2006a – *Хайдеггер М.* Бытие и время. – СПб., 2006. – 452 с.
- Хайдеггер*, 2007 – *Хайдеггер М.* Время и бытие // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – СПб., 2007. – С. 541–563.
- Хайдеггер*, 2006b – *Хайдеггер М.* Что зовется мышлением. – М., 2006. – 320 с.

References

- Bakhtin M.* Formy vremeni i khronotopa v romane // *Sobraniye sochineniy* : v 6 t. – Moscow, 2012. – Т. 3. – S. 340–511.

-
- Butilov N.A.* Levi-Stros – etnograf i filosof [Levi-Strauss – anthropologist and philosopher] // Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. – Moscow, 1985. – S. 422–466.
- Gogotishvili L.A.* Khronotop // Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. / Ruk. proyekta V.S. Stepin, G.YU. Semigin. – M., 2010. – T. 4. – S. 307–308.
- Deleuze G.* Logika smysla // *Deleuze G.* Logika smysla [The logic of sense] / *Foucault M.* Theatrum philosophicum. – Moscow, 1998. – S. 10–440.
- Ivanov V.Vs. K.* Levi-Stros i strukturnaya teoriya etnogra-fii // Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. – Moscow, 1985. – S. 397–421.
- Lacan J.* Seminary : v 26 t. – M., 2002. – 608 s.
- Levi-Strauss C.* Mifologiki: Syroye i prigotovlennoye. – Moscow, 2006.
- Levi-Strauss C.* Mifologiki: Ot meda k peplu. – Moscow, 2007.
- Levi-Strauss C.* Mifologiki: Proiskhozhdeniye zastol'nykh oby chayev. – Moscow, 2007.
- Levi-Strauss C.* Mifologiki: Chelovek golyu. – Moscow, 2007.
- Levi-Strauss C.* Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. – Moscow, 1985.
- Levi-Strauss C.* Pervisne mislennya. – Kiev, 2000. – 324 s.
- Saussure F. de.* Kurs obshchey lingvistiki [Course in General Linguistics]. – Moscow, 1998. – 296 s.
- Heidegger M.* Bytiye i vremya [Being and Time]. – Saint Petersburg, 2006. – 452 s.
- Heidegger M.* Vremya i bytiye // Heidegger M. Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya. – Saint Petersburg, 2007. – S. 541–563.
- Heidegger M.* Chto zovetsya myshleniyem [What is called thinking?]. – Moscow, 2006. – 320 s.